

Все дела, что Чжу Тяньган поручил Янь Цзызюню, Чу Цзюинь на самом деле одобрил ещё накануне.

Рано утром следующего дня пришёл слуга с приказом: Янь Цзызюню следовало немедля перенести цветы митуоло на гору. Тот многозначительно добавил, что если Цзызюнь задержит важное дело господина Чжу, то пусть заранее прикинет, сколько у него жизней в запасе.

Что и говорить, эти двое были настоящими «собратьями по учению» — дела решали споро. Жизнь у Цзызюня была всего одна, да и та досталась ему по какой-то нелепой случайности, так что рисковать ею не стоило. Раз велели — надо исполнять.

Янь Цзызюнь тут же взялся за работу. К счастью, за последнее время он успел наладить отношения с садовниками на заднем склоне. Несколько человек, получив распоряжение от нового управляющего, спустились вниз и здорово ему помогли.

В полдень, когда Янь Цзызюнь обедал, на кухне он встретил мастера Цэня. Они разговорились, и только тогда Цзызюнь узнал подробности того, что случилось в саду после «нашествия нечисти».

Чу Цзюинь разделался со всем быстро и решительно, однако финал этой истории оказался совершенно невероятным.

Лао Лю с заднего склона когда-то был простым крестьянином из деревни близ уезда Мило. Несколько лет назад там случилось сильное наводнение; из всей семьи спаслись только он с женой. Судьба привела их в Мошаньпу.

Неизвестно, как именно супруги попали в Сяньюань, но в итоге Цзя Лун отправил их на задний склон, где Лао Лю и трудился садовником в питомнике.

Хоть Чу Цзюинь и не жаловал Янь Цзызюня, к остальным он относился вполне сносно. Супруги Лю обжились на горе и со временем стали неотличимы от тех слуг, что родились в поместье.

Многие годы все жили в мире и согласии. Задний склон был огромен, каждый занимался своим делом, никто не лез в чужую жизнь — потому и не замечали, что с женой Лао Лю что-то не так.

Так продолжалось до тех пор, пока на горе не объявились демоны, а в окрестных деревнях не начали гибнуть люди. Вот тогда-то всё и вскрылось.

В тот момент Янь Цзызюня по приказу Лао Юаня уже увели, так что он не видел происходящего. Но мастер Цэнь расписывал всё в красках: когда истинную природу демоницы раскрыли и толпа загнала её в угол, та окончательно обезумела. Сцена, в которой тварь сдирала с себя окровавленную человеческую кожу, чтобы вступить в последний бой, была по-

настоящему жуткой.

Даже сейчас, слушая этот рассказ, Цзызюнь ощущал, как по коже бегут мурашки.

До этого момента история казалась ужасной, но понятной, однако странности начались, когда речь зашла о самом Лао Лю.

Лю был обычным, бесхитростным крестьянином. То, что он не заметил, как демон подменил его жену — не его вина. Но он делил ложе с этой тварью больше десяти лет и даже прижил с ней одиннадцать дочерей! И при этом ни разу не заподозрил неладное — вот что не укладывалось в голове.

Когда всё случилось, Лю не было на месте. А когда он прибежал, Чу Цзюинь уже испепелил демона-бабочку, и на земле осталась лишь кучка пепла да клочья кровавой кожи.

Казалось бы, Лю должен был благодарить людей за месть, но он внезапно помешался. Старик начал кричать, что это они сжили со свету его жену, а заодно и одиннадцать любимых дочерек. Он бросался на всех с кулаками, и только когда его общими силами скрутили и связали, он немного затих.

Дослушав до этого места, Янь Цзызюнь, не переставая жевать, невнятно спросил:

— Но зачем было убивать дочерей? Ох... неужто и девочки тоже были оборотнями?

Мастер Цэнь хмыкнул и покачал головой:

— Ну и простофиля же ты, парень. Если мать — демоница, разве дети могут быть людьми?

— Раз они чудища, как же Лю столько лет ничего не видел? Почему защищал их?

Лао Цэнь выпустил облако дыма и вытряхнул пепел из трубки, постукивая ею по краю медной плевательницы.

— Вот этого я не знаю... Хотя Лао Юань позже сказывал: когда он повёл людей в их дом, то обнаружил, что девчонки эти днём прятались в шкафах. Лица и головы у них были девичьи, а вот тела — совсем не человеческие. Как человекоподобные коконы насекомых, только огромные...

— Кхм... — Янь Цзызюнь взглянул на свою миску с зеленью, и его едва не вывернуло наизнанку.

Увидев это, мастер Цэнь отложил трубку и принялся хлопать его по спине:

— Ой-ой, Цзюнь-гэер, ты чего? Живой?

Цзызюнь с детства не отличался крепким здоровьем, редко выходил из дома и больше всего на свете боялся змей и жирных гусениц, прячущихся в траве. Мастеру Цэню стоило бы выбирать время для таких подробностей, а не травить байки прямо за обедом.

Янь Цзызюнь не мог вымолвить ни слова и лишь отчаянно замахал рукой, показывая, что с ним всё в порядке.

— Лао Юань в тот день послал меня за подмогой, — продолжал Цэнь. — Кто же знал, что управляющий не успеет, а господин явится первым! Впрочем, меня винить не в чем — на заднем склоне такой шум поднялся, дым столбом стоял, разве такое скроешь?

Услышав упоминание о Юань Сунване, Янь Цзызюнь перевёл дух и спросил:

— А где сейчас заведующий Юань?

— Ушёл он. Куда именно — не сказал, просто забрал семью и уехал. Но на вид не больно-то и кручинился. Этот старый хрыч за всю жизнь ни гроша не скопил, всё пропил, и как он теперь на вольных хлебах выживать будет — ума не приложу...

Не успел он договорить, как из сада прибежал слуга: господин велел Янь Цзызюню явиться в передний зал для допроса. Услышав это, Цзызюнь не посмел медлить ни секунды.

Он вскочил, но на бегу обернулся и крикнул:

— Мастер Цэнь! Те цветы на заднем склоне... поручаю их вам! Присмотрите за ними хорошенько!

— Ладно, ладно! Всё сделаю, не переживай, ступай с миром!

На следующий день Янь Цзызюнь лишь раз заглянул на склон за водой митуоло, но мастера Цэня не встретил. Снова они увиделись только через три месяца.

В тот день слуги ждали выплаты жалованья. Цзя Лун сидел в счётной палате, листая книги, как вдруг со стороны Западного флигеля донёсся грохот, заставивший его вздрогнуть.

Он принялся расспрашивать слуг, но никто не знал причин шума. Цзя Лун уже собрался идти проверить флигель сам, но его перехватил человек от Чу Цзюиня: господин велел немедленно явиться на Цзюсянь-тай.

Когда управляющий прибыл, он увидел Чу Цзюиня и Чжу Тяньгана, восседающих в центральном зале. Заметив Цзя Луна, Чу Цзюинь жестом подозвал его ближе.

— У брата Тяньгана сегодня великая радость — он наконец-то завершил создание пилюли вечной молодости. Я позвал тебя, чтобы и ты поглядел на это чудо.

Цзя Лун всё понял и поспешил поздравить мастера:

— Так, значит, тот грохот был звуком открытия печи? Раз желание господина Чжу наконец исполнилось, Цзя Лун приносит свои глубочайшие поздравления.

Чжу Тяньган кивнул, на его лице играла едва заметная довольная улыбка. Однако он то и дело оглядывался через плечо. Только тогда Цзя Лун заметил, что за спиной гостя стоит Янь Цзызюнь.

Чжу Тяньган не спешил показывать сокровище. Он лишь легко усмехнулся:

— Этот рецепт достался мне в наследство от сородичей. Если изготовить снадобье в строгом соответствии с наставлениями, оно способно возвращать к жизни и даровать бессмертие. Вот только ингредиенты для него собрать нелегко. Цветы митуоло растут на западе, и лишь вернувшись из тех земель, я узнал, что они давно исчезли. Какое счастье, что материнский куст в поместье Цзюиня происходит из обители Доуму Юаньцзюнь — его духовная сила поистине бесценна. Знай я об этом раньше, не пришлось бы мне тратить силы на бессмысленную поездку за тридевять земель.

Услышав это, Чу Цзюинь холодно бросил:

— Ты приходил ко мне столько раз и ни словом не обмолвился, зачем тебе это нужно. Откуда мне было знать? Так что не смей меня винить.

Чжу Тяньган мгновенно сменил тон на более миролюбивый:

— Как бы то ни было, ты одолжил мне ту чашу талой воды, чем выручил в критический момент. Разве я не прав?

Брови Чу Цзюиня взлетели вверх.

— Всего лишь чаша талой воды. О каком «одолжении» может идти речь между нами?

Чжу Тяньган громко рассмеялся, а затем перевёл взгляд на Янь Цзыюня.

— Есть ещё кое-что, за что я должен тебя поблагодарить.

— Вот как? И за что же?

Чжу Тяньган протянул руку, притянул Янь Цзыюня к себе за плечо и, улыбаясь, указал на него:

— Разумеется, за то, что ты «одолжил» мне этого юношу на несколько месяцев. С того самого дня, как я разжёл печь, он ни на миг не терял бдительности. Оказался куда внимательнее моих собственных слуг. Он старателен, терпелив, и очень мне приглянулся. Раз дело закончено, позволь мне забрать его с собой.

С того момента, как взгляд Чжу Тяньгана упал на Янь Цзыюня, ОН словно преобразился: зимняя стужа сменилась весенним теплом, ОН смотрел с нежностью, а на щеках проступил румянец. Весь ЕГО облик, обычно исполненный беспечности и безразличия, вмиг преобразился.

Цзя Лун долго наблюдал за тем, как Чжу Тяньган держит Цзыюня за руку. Глядя на его нынешнее поведение, управляющий сразу обо всём догадался.

Чу Цзюинь же, чей разум был занят лишь поисками пути к бессмертию, не имел ни малейшего представления о том, что такое чувства. Если бы даже перед ним был полный глупец, и тот бы понял, к чему клонит гость. Но Цзюинь, услышав, что у него требуют человека прямо в лицо, лишь разозлился про себя. Он вовсе не собирался заключать столь невыгодную сделку.

Бросив взгляд на Цзя Луна, он произнёс:

— Мой управляющий стоит здесь уже бог весть сколько времени, а ты всё не показываешь своё сокровище. К чему эти пустые разговоры? Кончай ломать комедию. Что там за «глазок» ты выплавил? Показывай живей!

Чжу Тяньган лишь усмехнулся в ответ. Он достал из-за пазухи чистую склянку из белого нефрита высотой в дюйм. Сосуд едва заметно светился алым — казалось, внутри заключена великая сила.

Вытащив пробку, он вытряхнул на ладонь красную пилюлю, прозрачную и сияющую, словно драгоценный камень.

— Вот она.

Чу Цзюинь подался вперёд, рассматривая сверкающее сокровище.

— Три месяца трудов — и всего одна бусина?

— Вещь редкая, — спокойно ответил Чжу Тяньган. — Само собой, она единственная.

Чу Цзюинь коротко и сухо рассмеялся. Внезапно в его руке возникла длинная плеть, которая молнией метнулась к ладони гостя.

Чжу Тяньган не ожидал такого вероломства. В мгновение ока он попытался уклониться, но было поздно. Когда он взглянул на свою ладонь, та была пуста — сокровище уже оказалось в руках Чу Цзюиня.

Венчик Чжу Тяньгана, прозванный «Ваньсытао», оправдывал своё имя. Белой вспышкой он обрушился на возвращающуюся плеть. В тот же миг тысячи тончайших паутинок намертво оплели иссиня-чёрное оружие, не давая ему ходу.

Ярость мгновенно захлестнула Чжу Тяньгана.

— Чу Цзюинь! Ты совсем обезумел?! — взревел он.

В гневе он вложил в удар всю силу своих рук, заставляя мириады нитей закручиваться в вихрь, намереваясь поглотить плеть противника целиком.

Однако Чу Цзюинь и не думал тягаться с ним силой. Он насмешливо усмехнулся:

— Янь Цзызюнь — мой человек. Он ещё утром донёс мне, что ты заложил в печь больше десятка штук. Решил, что я приду требовать свою долю, и теперь дурачишь меня, как последнего идиота!

Чжу Тяньган на миг растерялся, но тут же возразил:

— Врёшь! Цзызюнь всё время был при мне, мы прекрасно ладили! Ты вечно притеснял его, с чего бы ему доносить тебе?

Чу Цзюинь не стал тратить слова на спор. Он внезапно взмыл в воздух, вливая в плеть мощный поток духовной силы. Пурпурные молнии полыхнули по всей длине оружия, и одним резким вращением он вдребезги разнёс атаку Чжу Тяньгана.

В следующее мгновение два луча — багрово-фиолетовый и ослепительно белый — с грохотом столкнулись. Они рассыпались мириадами искр, похожих на хлопья падающего снега.

Откинутый остаточной энергией удара, Чжу Тяньган отступил на шаг. Чу Цзюинь же, хозяйски закинув ногу на резной стул из красного дерева, вызывающе посмотрел на него и... отправил пилюлю прямо в рот.

Чжу Тяньган едва не лопнул от бешенства.

— Будь ты проклят! На небе дождь идёт — ты и там пару капель умудришься выгадать! А ну верни моё сокровище!

Чу Цзюинь, явно наслаждаясь его яростью, расхохотался:

— Я как раз сокрушался, что моё совершенствование годами не сдвигается с места, а ты сам принёс мне такую славную штуку! Ха-ха! Не верну! И не проси!

— Ах ты!.. — Чжу Тяньган побледнел. Он взглянул на стоявшего в стороне Янь Цзызюня, который выглядел совершенно невинно, и с горечью спросил: — Неужто это правда? Ты и впрямь так со мной поступил?

Пока Янь Цзызюнь отчаянно мотал головой, Чу Цзюинь снова разразился хохотом:

— Да обманул я тебя, а ты и поверил! Раз нет между вами доверия, о каком «согласии» может идти речь?

Чжу Тяньган, в очередной раз оставшись в дураках, в сердцах топнул ногой. Пытаясь хоть как-то сохранить лицо, он выпалил:

— Ты совсем забыл о долге перед нашей школой! Знай же: таких пилюль в мире всего три. Считай, что эту я скормил псу. Теперь я вижу тебя насквозь...

— Вот как? Так ты сам это сказал!

Чу Цзюинь и Цзя Лун обменялись понимающими улыбками. Между пальцами хозяина дома была зажата та самая красная пилюля — бесценное сокровище, способное, по слухам, даровать вечную жизнь.

Янь Цзызюнь застыл как вкопанный. Только сейчас до него дошло: Чу Цзюинь просто в очередной раз проявил свой заносчивый нрав. Он был недоволен тем, что Чжу Тяньган пытался его обмануть, и устроил эту злую шутку специально.

Но глядя на то, до какого состояния господин довёл своего «старшего брата», Цзызюнь подумал, что на этот раз шутка зашла слишком далеко.

<http://bllate.org/book/17484/1694431>